

состояния» многим специалистам уже не представляется вполне оправданной именно в силу своей двусмысленности.

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ¹

Насущной задачей политической науки сегодня становится разработка интегральной модели интерпретации неолиберализма, в основе которой лежит не только исследование самого феномена неолиберальной политики, но, прежде всего, своеобразие неолиберального дискурса, формирующего идеологическую основу его идентичности. «Теоретический треугольник» — «политика/идентичность/дискурс» — сам по себе является важнейшим моментом аналитики. Современный мир переживает беспокойные времена, особенно в свете глобального подъема популизма, политического экстремизма и других угроз демократии. В сочетании с очевидным возрождением авторитарного лидерства и растущим влиянием антидемократических тенденций, политический климат на Западе и в других регионах все больше характеризуется неопределенностью. Политика пронизывает каждый аспект нашей жизни независимо от того, хотим мы ею заниматься или нет. Современное ее состояние нередко определяется теоретиками как «политика раздробленной идентичности», обрекающей индивидов на постоянный поиск собственного «Я», а социальные группы — на поиск своего места в постоянно изменяющейся кон-

¹ Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

фигурации социума. В этом плане «политика идентичности относится к активности или поиску статуса, основанному на таких категориях, как пол, класс, этническая принадлежность, племя, клан, сексуальность, культурная ориентация, раса, каста (как в Индии) или политическая идентификация. Таким образом, политика идентичности — это политические аргументы, исходящие из эгоистичных точек зрения самоидентифицированных групп социальных интересов, аспектов их личности»¹. В структуре политики идентичности сам вопрос «Почему дискурс?» представляется странным и неуместным. Политика и связанные с ней идентичности встроены в «дискурсивное», независимо от того, рассматриваются ли они через призму взаимодействия или как более широкие социокультурные явления. Анализ политического дискурса — это быстро развивающаяся область, и у ученых есть множество интерпретаций, которые можно оспаривать. Дискурс в самом широком смысле может влиять на то, что мы говорим, или же нас ограничивать. В области идеологических конфликтов крайне полезно понять, как именно люди и социальные группы преодолевают ограничения дискурса, опираясь на свободу воли и формируя дискурсы через политическую речь.

В сфере анализа неолиберального дискурса (вернее, дискурсов) данная цель предполагает постановку и решение следующих задач.

Во-первых, идентифицировать парадигмальную специфику основных научных подходов к интерпретации неолиберализма. Выявить преимущества междисциплинарного подхода к анализу феномена неолиберализма как экономического, политического, идеологического и культурного явления (проекта). Определить специфику политологических, социологических, политэкономических, антропологических, исторических и коммуникативных интерпретаций.

Во-вторых, провести сравнительный анализ существующих в научной литературе определений понятия «неолиберализм» и ин-

¹ Wiarda H.J. Political Culture, Political Science, and Identity Politics: An Uneasy Alliance. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. P. 147–148.

терпретаций неолиберализма в современной политической науке и политической философии. Проанализировать существующие на данный момент определения и интерпретации и выявить их исходное «теоретическое ядро». Обосновать тезис, согласно которому на данный момент любые попытки предложить исчерпывающее определение неолиберализма сводятся на нет не только из-за множественности философских и политических взглядов, но и по причине диаметрально противоположных и, как правило, тенденциозных интерпретаций: основываясь на ряде принципов, которые формируют общий знаменатель, разнообразные группы ученых и интеллектуалов вполне преуспели в создании и развитии семьи «неолиберализмов» — австрийскую и чикагскую школы, ордолиберализм и либертарианство и др. Эти школы и направления были приспособлены к довольно разнообразным политическим системам и к настоящему времени в большей или меньшей степени отражают позиции как сторонников, так и критиков неолиберализма. Кроме того, влиятельные современные парадигмы, которые утверждают, что критикуют неолиберализм (например, коммунитаризм), демонстрируют определенное совпадение и совместимость с магистральным неолиберальным дискурсом. Привести дополнительные аргументы в пользу гипотезы, согласно которой являющееся предметом постоянного спора понятие «реально существующий неолиберализм» вряд ли было бы необходимым, если бы не существовали явные и существенные расхождения между утопическим идеализмом нарративов «свободного рынка» и неоднородными, неравномерными и разнообразными реалиями тех управляющих схем и программ реструктуризации, которые по-разному проводились во имя конкуренции, выбора, свободы и эффективности. Понимаемый как «сильный дискурс», глубоко переплетенный с основными контурами финансовой, культурной и корпоративной власти, неолиберализм как теория постоянно варьирует историю «свободных рынков», выборочного дерегулирования, низких налогов, «малого правительства» и «бережливого управления», в которой приватизированные и рыночные механизмы представлены в позитивном ключе, в отличие от якобы коррумпированных и раздутых объектов реформ,

в первую очередь «большого правительства» и «большого труда». При этом сам «неолиберализм» практически не имеет официально санкционированного статуса, и это понятие довольно редко используется даже самыми радикальными адептами «свободного рынка» и реформаторами. Примерно в середине XX века, когда идейный проект неолиберализма ограничивался маргинальной сетью консервативных интеллектуалов и экономистов-ренегагов, этот термин вышел из употребления и его заменила более эвфемистическая фразеология. С конца с 1970-х годов «реально существующий неолиберализм» как проект и совокупность политических и экономических практик получил определенное терминологическое обрамление: академические критики и политические противники возродили эту терминологию и начали определять и позиционировать неолиберализм. «Гибкое кредо» неолиберализма было реализовано через несколько импровизированный и изменяющий форму репертуар прокорпоративных, прорыночных программ, проектов и силовых игр, по-разному основанных на критике либерализма XIX века (или *laissez faire*), бескомпромиссного отрицания социализма и коммунизма периода холодной войны и явно антагонистических отношений с режимами либерального регулирования после Второй мировой войны (в частности, с кейнсианством и девелопментализмом), представленными как опасные компромиссы на «скользких склонах» тоталитаризма, этатизма и т. п. Отсюда следует, что неолиберализм может существовать только в конъюнктурной форме (формах), и его нельзя адекватно интерпретировать, не прибегая к помощи критического дискурс-анализа. Даже если признать, что неолиберализм по-прежнему способен претендовать на доминирование, он никогда не сможет полностью монополизировать политический дискурс¹.

¹ См.: Bourdieu P. *Acts of Resistance*. Cambridge: Polity Press, 1998; Brenner N., Peck J., Theodore N. *Variiegated neoliberalization: geographies, modalities, pathways* // *Global Networks* 2010, 10(2). p. 1–41; *Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe*. Brenner, Neil and Theodore, Nik (eds.) (Oxford: Blackwell, 2002; Walonen M.K. *Contemporary World Narrative Fiction and the Spaces of Neoliberalism*. London: Palgrave Macmillan, 2016.

В-третьих, представить анализ основных тенденций, путей и способов реализации неолиберальной гегемонии и гегемонистских дискурсов в современном мире. Как уже отмечалось, хотя неолиберализм не без успеха претендует на роль доминирующей идеологии нашего времени, политики, бизнесмены и ученые редко идентифицируют себя с ним. Парадокс заключается в том, что даже политические силы, критикующие эту идеологию, продолжают проводить неолиберальную политику. В данном отношении важен анализ формирования и воспроизводства неолиберальной гегемонии, исследование не только неолиберальных стратегий, но и противодействия неолиберальным идеям в самых разных контекстах. Объектом анализа здесь являются глобальные сети, деятельность аналитических центров, политических институтов, групп корпоративного планирования, интеллектуалов, политических и корпоративных лидеров, обеспечивающих идеологическое и политическое господство неолиберализма и, следовательно, неолиберальных форм глобализации.

В методологическом плане интерпретация гегемонии направлена на деконструкцию глобального (в смысле универсального) его понимания. Согласно Антонио Грамши, гегемония не может осуществляться исключительно с помощью силы и репрессий, даже если эти аспекты власти должны быть в распоряжении правящих классов в случае необходимости. Гегемония требует активного согласия и участия управляемых и, таким образом, находит выражение в коалициях и компромиссах, направленных на интеграцию различных социальных сил в (асимметричные) исторические блоки власти. Вместо глобальной однородной неолиберальной гегемонии, таким образом, нужно обсуждать проблему потенциально совершенно различных неолиберальных гегемонистских констелляций, которые могут быть построены на национальном, транснациональном, всемирно-региональном и глобальном уровнях. Неолиберальные исторические блоки власти неизбежно обладают различными характеристиками и группами, хотя усиленная «глобализация» обеспечивает некоторые важные элементы их взаимодействия. Со временем, в результате политической борьбы возможно формирование новых

исторических блоков власти, которые могут изменить ориентацию и содержание прежних гегемонистских парадигм, но этот процесс изменений будет ограничен достижениями и институциональным наследием предыдущих социальных сил, которые преуспели в установлении моделей порядка и беспорядка, которые ограничивают напряженность и социальные конфликты, ведущие к новой динамике. Таким образом, предлагается изучить возникновение, поддержание и трансформацию неолиберальной гегемонии путем выделения различных неолиберальных гегемонистских констелляций в сравнительной перспективе с целью выявления как общих элементов, так и различий в пространстве и времени¹.

В-четвертых, исследовать различные аспекты воздействия неолиберализма на массмедиа и его взаимодействие с современными медиа-комплексами, исходя из того, что анализ неолиберализма на уровне политических коммуникаций и медиа-дискурсов способствует переосмыслению концептуального содержания этой идеологии.

Дискурсивная парадигма анализа неолиберальных коммуникаций и неолиберальных языков во многом опирается на пионерские исследования Д. Лакоффа. В них американский лингвист формулирует ответы на вопрос — какие категории языка и мысли выражают различные состояния человеческого рассудка? Разум, по Лакоффу, это физическое, в основном бессознательное, метафорическое, эмоциональное и привязанное к эмпатии состояние;

¹ См.: *Gramsci A. Quaderni del carcere*, 4 vols., ed. Valentino Gerratana, Turin: Giulio, 1975; *Gramsci A. Historical Materialism and International Relations*. Stephen Gill (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Giddens A. Beyond Left and Right. The Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press, 1994; *Germain R.D., Kenny M. Engaging Gramsci: International Relations Theory and the New Gramscians // Review of International Studies*. 1998. P. 3–21; *Guzzini S. A Reconstruction of Constructivism in International Relations // European Journal of International Relations*, 2000. 6 (2). P. 147–182; Haas, Peter M. (1992) Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination, *International Organization*, 46 (1). P. 1–36; *A Ruined Fortress? Neoliberal Hegemony and Transformation in Europe*. *Cafruny Alan W., Magnus Ryner* (eds.) Lanham: Rowman & Littlefield., 2003.

за нашими моральными и политическими мыслительными процессами скрываются биологические объяснения. Лакофф анализирует проблему «бессознательного» в мировоззрении либералов и консерваторов, выявляя причины, по которым они не могут сойтись во взглядах по многим, далеко не всегда взаимосвязанным вопросам, таким как налоги, аборт, государственное регулирование и социальные программы. Различия, утверждает Лакофф, это не просто вопрос пристрастия, а следствие возникновения радикально различных концепций морали и ценностей «идеальной семейной жизни», которые находятся в центре американской политики¹.

В структурах теории политической коммуникации и критического дискурс-анализа проблема концептуального статуса неолиберализма отражает противоречия между универсальным и партикуляристскими способами его трактовки. Использование понятия «неолиберализм» в унитарном смысле выполняет необходимую «тотализирующую функцию». Это позволяет критически настроенным специалистам в области массмедиа идентифицировать данное понятие, независимо от того, о каких именно дискурсах и конкретных практиках идет речь — идеологических, гегемонистских, экономических, государственных и дискурсивных — и как именно устанавливается преемственность между различными социальными контекстами. В то же время концепты универсальной неолиберальной структуры, логики или субъекта могут затруднять понимание того, как неолиберализм артикулируется в разных социальных контекстах. Сохраняются противоречия между утверждением согласованности универсальной концепции и обсуждением существования различных «неолиберализмов» или разных «капитализмов».

¹ *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980; Lakoff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 2002; Lakoff G., Dean H., Hazen D. Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate — The Essential Guide for Progressives. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004; Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. N.Y.: Penguin Books, 2009 и др.*

В-пятых, проанализировать феномен неолиберального государства в рамках формулы «власть против политического», прежде всего, опираясь на концепцию, разработанную Карлом Поланьи в работе «Великая трансформация» (1944). В ней он утверждал, что «вера в спонтанный прогресс должна закрывать глаза на роль правительства в экономической жизни»¹. Эта слепота может быть сохранена, рассуждал Поланьи, только благодаря «институциональному разделению общества на экономическую и политическую сферу»². Такое представление о рынке и государстве как об отдельных сферах, действующих в соответствии с разной логикой, лежит в основе либерального видения свободы. Вопрос о том, представляет ли он некую основополагающую онтологическую реальность, когда рынок и государство независимы друг от друга, как утверждал Поланьи, маскирует политическую повестку дня, посредством которой государство воображает и конструирует свободный рынок, на котором оно якобы отсутствует.

Критическое различие между либерализмом и неолиберализмом состоит в том, что последний отказывается от видения рынка и государства как независимых и онтологически различных сущностей. В этом отношении критика Поланьи — это критика, которую в целом разделяют неолиберальные мыслители. Однако, в то время как Поланьи утверждал, что миф о саморегулирующемся рынке является неустойчивым и от него необходимо полностью отказаться, неолиберальные мыслители всегда выступали за более реалистичную рыночную повестку дня, управляемую государством, которая соответствует зависимости экономического либерализма от закона конкуренции, прав собственности, культуры предпринимательства, строгой денежно-кредитной политики и т. д. С таких позиций, отправной точкой неолиберальных реформ имплицитно являются политические и социологические аргументы, которые признают, что рынки и индивидуальная экономическая свобода не будут процветать сами по себе, а нужда-

¹ *Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time.* Boston, MA: Beacon Press, 1957. P. 37.

² *Ibid.* P. 71.

ются в активном учреждении и защите. В этом плане неолиберализм — это «конструктивистский политический проект».

Государство — центральный инструмент продвижения неолиберальной повестки дня. Приверженность сильному государству, способному противостоять политическим и идеологическим вызовам капиталистической конкуренции, является определяющей чертой неолиберализма, как системы мышления, так и прикладной политической стратегии. Существует мало свидетельств того, что неолиберальные реформы когда-либо приводили к «меньшему» или «более слабому» государству в каком-либо значимом смысле, даже если определенные функции были отведены от государства в результате политики приватизации и аутсорсинга. Однако государство также является объектом серьезной критики. Подозрение, что государство и его агенты расточительны, корыстолюбивы, иррациональны, слепы к достоинствам конкуренции, чрезмерно «интеллектуальны» и сопротивляются переменам, является неизменной чертой неолиберальной критики. Парадоксальный статус государства при неолиберализме, когда оно одновременно является ключевым инициатором реформ и главным препятствием на пути к ним, означает, что это подозрение никогда не может быть полностью снято.

Перед лицом этой амбивалентности неолиберальная критика сосредоточена на стремлении рационализировать государство, используя методы, взятые из мира бизнеса, или активно вовлекать бизнес в управление государственным сектором. Реформы, известные как «новое государственное управление», начались с 1980-х годов и были направлены на изменение модели государственной бюрократии на предприятиях частного сектора с использованием постановки целей и аудита, чтобы разрушить якобы медленную и расточительную администрацию государственного сектора. Аутсорсинг и государственно-частное партнерство создали новую институциональную сферу между рынком и государством, которую можно проанализировать с точки зрения сетей «управления» или «правительственности». Последние перераспределяют государственные функции между различными новыми административными единицами. Неолиберализм

часто предполагает использование государственных программ, но способами, которые обходят неудобные, «политические» или предположительно неэффективные инструменты управления.

Сдвиг политической власти и власти в якобы «неполитические» сферы государства, правительства и общества является обоюдоострой операцией. Этот сдвиг проводится с использованием риторики либерализма и невмешательства, но очень часто включает расширение государственных полномочий в таких областях, как наблюдение, аудит, контроль над местным правительством и военная сила. Принцип «свободного рынка» подчеркивает роль предпринимателей и малых предприятий, однако регулятивные преобразования приносят пользу монополиям. Неспособность когда-либо достичь идеализированного видения «конкурентной», «свободной» рыночной экономики, контролируемой аполитичными органами, обеспечивающими соблюдение правил, означает, что проект нелиберальной реформы бесконечен, он не может быть завершен, так как всегда находятся новые цели для «модернизации» и «маркетизации».

По мере продвижения этого проекта более четко различаются либеральное государство и нелиберальное государство. Элементы государства, которые, с точки зрения нелиберала, кажутся наиболее нуждающимися в реформе, это те элементы, которые считаются негибкими, нормативными и невосприимчивыми к экономической логике, а именно суверенно-правовые аспекты государственной власти, которые являются фундаментальными для либерализма. Как утверждал Фуко, либерализм и нелиберализм являются альтернативными ответами на «невозможность существования экономического суверена»¹. Либерализм решает эту проблему, отделяя сферу экономики от сферы правового суверенитета, даже если он в итоге не в состоянии выдержать этот раскол. Реакция нелиберализма более противоречива: постепенно вытеснять суверенные компоненты государства с использованием методов утилитарного исчисления и рыночных принципов.

¹ *Foucault M. The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 283.*

Это не обязательно означает, что государство на самом деле ослаблено, но его власть переходит дальше в сети управления, аудита и управления, которые действуют за пределами пространства, обозначенного как «политическое» и «демократическое».

Способ осмыслить это противоречие — определить пределы деполитизации. Неолиберальное государство может не обещать равного отношения к каждому человеку согласно закону, как это делает либеральное государство, но оно обещает, что к каждому экономическому агенту будут относиться одинаково в условиях конкуренции.

С этим связан рост технократии и «управления». Когда различие между государством и бизнесом, государственным и частным, становится размытым, кризисы легитимности рано или поздно становятся неизбежными. В финансовом секторе, например, большая часть регулирующей деятельности была распределена между государственными регулируемыми органами и органами частного сектора, такими как кредитные рейтинги, в то время как элиты плавно перемещались между разными секторами. Реальность того, что кредитные оценщики (а также бухгалтеры и аудиторы) также преследуют цель получения прибыли и не могут бесконечно выносить беспристрастное суждение от имени общества в некоторой квази-правовой форме, была неотъемлемым фактором возникновения глобального финансового кризиса. Там, где государственные институты и инструменты созданы по образцу рынков и бизнеса, они сами теряют любую внешнюю, обязательно политическую перспективу, с которой можно было бы исследовать экономическую деятельность. Это антиполитическая политическая программа неолиберализма¹.

¹ См.: *Blyth M.* Austerity: The History of a Dangerous Idea. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Foucault M.* The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008; *Mirowski P.* 2009. Postface: Defining Neoliberalism. In Mirowski, P. and Plehwe, D. (eds), *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009; *Peck J.* Remaking laissez-faire // *Progress in Human Geography*, 2008. 32. P. 3–43; *Wacquant L.* Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham, NC: Duke University Press, 2009.

В-шестых, выявить в теоретическом плане новые подходы к анализу сложных аспектов формирования неолиберального дискурса в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и современной России. В этом отношении важны следующие гипотетические вопросы, которые в различных модификациях постоянно обсуждаются в современной научной литературе. На первый взгляд, отношения между неолиберализмом и Восточной Европой, а также бывшим Советским Союзом, кажутся простыми: до 1989 года регион олицетворял полную противоположность неолиберализму. Затем он быстро «перешел» от «коммунизма» (или «государственного социализма») к неолиберальному капитализму. Что же именно изменилось в организации общества и господствующих идеях? Ознаменовали ли эти изменения приход нового, неолиберального политического режима, отличного от других разновидностей неолиберализма? Почему после 1989 года произошел сдвиг в сторону именно неолиберального капитализма, а не в каком-либо другом направлении? Были ли неолиберальные идеи и политика импортированы «с Запада» или же они возникли в результате «процесса взаимообмена» между Востоком и Западом, как утверждал, например, Дж. Бокман¹?

Так или иначе, в следующие десятилетия внутренние элиты проводили последовательные неолиберальные реформы при поддержке западных политиков, аналитических центров, а также международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк и структур ЕС. Как показали события после кризиса 2008 года, логика трансформации заключалась не просто в освобождении стран региона от оков «коммунизма» или в развитии скрытых предпринимательских талантов, как подчеркивали неолибералы, а в том, чтобы приспособить экономику стран посткоммунистического региона к требованиям мирового капитала, реструктурируя и укрепляя власть отечественных элит. Результатом стало растущее разочарование и общественное недовольство упрощенными попытками внедрять принципы рыночной экономики и ли-

¹ См.: *Bockman J. Markets in the name of socialism: the left-wing origins of neoliberalism. Stanford University Press, Stanford, CA., 2011.*

беральной демократии западного образца, а также политическими силами внутри страны и за рубежом, которые продвигали этот процесс. Капиталистический триумф начала 1990-х годов повсюду уступил место антиутопическим реалиям авторитарного, ограничительного режима неолиберального капитализма¹.

Мырикова Анна Валериевна,

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА²

Ключевой особенностью методологии исследования феномена неолиберализма является сочетание разнообразных методологических принципов и теоретических подходов, позволяющих охарактеризовать все многообразие идеологических процессов в современном мире. Учитывая исключительно сложный характер

¹ См.: *Genov N.* Global trends in Eastern Europe. Ashgate, Burlington, VT, 2010; *Åslund A.*, 2002. Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge University Press, Cambridge, UK; N.Y.; *Bockman J.* Markets in the name of socialism: the left-wing origins of neoliberalism. Stanford, CA.: Stanford University Press, 2011; *Collier, S.J.*, Post-Soviet social: neoliberalism, social modernity, biopolitics. Princeton: Princeton University Press, 2011; *Wedel J.R.* Collision and collusion: the strange case of western aid to Eastern Europe. Palgrave, N.Y., 2001; *Hardy J.* Poland's new capitalism. London: Pluto, 2008; *Kurlantzick J.* State capitalism: how the return of statism is transforming the world. N.Y.: Oxford University Press, 2016; Neoliberalism, personhood, and postsocialism: enterprising selves in changing economies. Makovicky N. (Ed.). Farnham, UK and Burlington, Ashgate Publishing, VT., 2014; *Sakwa R.* The crisis of Russian democracy: the dual state, factionalism and the Medvedev succession. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2010.

² Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: «посттрадиционный порядок» и кризис идентичности».